

Раушан БАЙГУЖАЕВА

СЕРЕБРЯНЫЙ БРАСЛЕТ

Повесть

Алтын стояла во дворе перед зеркалом умывальника и тщательно повязывала голову пестрым ситцевым платком. Так же аккуратно она закатала до колен спортивные штаны, застегнула до конца пуговицы старой отцовской рубахи.

Издавая шипение, в ведре гасилась известь.

— Ну надо же, синька закончилась! — всплеснула руками мать, выходя из сарая. — И Ержана нет, чтоб послать в магазин.

— А у меня болит голова, — слабым голосом произнесла Айнаш, рыжеволосая девочка лет двенадцати с бледным лицом, сидевшая на ступеньке веранды с повязкой на голове.

— Голова болит, иди, ложись, чего тут сидишь? — сказала мать недовольно.

— Мигрень у неё разыгралась, — заметила сухопарая старуха Лятипа, выходя из дому и щурясь на солнце. — Сколько раз говорить тебе, Рымкеш, надо позвать лекарку ту, как звать-то её, пусть полечит девочку.

— Не до этого сейчас, апа! — Рымкеш махнула рукой и уставилась в ведро с затихающей известью. — Может, сходить к соседям за синькой?

— Стой, мама, не ходи никуда, — решительно сказала Алтын. — Обязательно синить, что ли? У нас кирпичи есть?

Лятипа присела возле внучки, обняла её и ткнулась губами в щеку. Та положила ей голову на колени.

В сарае нашелся кирпич. Алтын раскрошила молотком половину его. Потом смешала с водой, отфильтровала через марлю, добавила в известь и начала тщательно размешивать.

— Что же это будет? — с сомнением в голосе протянула мать. — Лучше было б синьку найти.

— Не беспокойся, будет шикарно, в такой цвет красят здания в центре города. Иди, занимайся своими делами.

— Ой, и правда, там, поди, хлеб подгорел! — ущипнула себя за щеку Рымкеш и заспешила за дом, где в сковородках под углями кизяка она пекла лепешки комбеш-нан.

Тут и хозяин дома Байназар вышел из сада, волоча срубленные сухие сучья.

— Вот вам дрова, на неделю хватит, — свалил он свой груз наземь возле сарая, отряхиваясь. И расплылся в улыбке при виде появившегося со стороны ворот молодого человека в голубом спортивном костюме с белыми лампасами, который в народе называли «олимпийкой».

— Э, Еламан!

— Ассалом Алейкум! — подошел тот к Байназару, почтительно поздоровался обеими руками и как-то по-особому кивнул Алтын, словно между ними

была некая тайна. Девушка ответила кивком и, взяв ведро, пошла к воротам, чтобы начать побелку дома с уличной стороны.

Еламан склонился к Лятипe:

– Здравствуйте, апа! Как ваше здоровье?

– И-и-и, дорогой, потихоньку, слава Аллаху.

– Давай, заходи в дом! – суетился хозяин. – Рымкеш, где ты там? Неси чай!

– Спасибо, я спешу, ага, – сказал Еламан. – Вы говорили, что ждете гостей... Так я хотел у вас коня попросить, на ферму надо съездить, брата проведать. Могу вам кумыс оттуда привезти.

– Да, да, конечно, бери коня! А насчет кумыса не беспокойся, мы поедем его пить на джайляу.

Когда Еламан выводил за ворота рыжего коня, Алтын стояла на лестнице и, макая кисть в ведро, стоящее на высоком стуле, белила стену под самой крышей. Если уж говорить точнее, это, скорее, была покраска, поскольку цвет извести в ведре не имел никакого отношения к слову «белить».

– До свидания, Алтын, – снова со значением сказал Еламан, вскакивая на лошадь.

Не отрываясь от работы, девушка кивнула ему. Голова её была занята мыслями о предстоящей встрече гостей, но, провожая взглядом удаляющегося всадника, она позволила себе отвлечься от них.

Алтын всегда была на виду у искателей её сердца, немало было и таких, которые претендовали на руку статной черноглазой девушки. Сама же она очень редко влюблялась в кого-нибудь. Да и те мимолётные чувства скорее были плодами её фантазий. В школе это был одноклассник, в институте – однокурсник. А той огромной, всеобъемлющей любви, заставляющей страдать и блаженствовать, любви, о которой пишут поэты и писатели всех времен и народов, ей еще не довелось испытать.

Она уже третий год преподавала в родной школе математику, однако в обозримом пространстве не было никого, кто мог бы заинтересовать её. Но вот уже около года Алтын ловила на себе долгие взгляды Еламана, приезжего инженера, совсем недавно получившего повышение и теперь возглавлявшего всю технику совхоза. Она отметила, что взгляды его темно-карих глаз не вызывают у неё отрицательных эмоций. А дальше шла глухая дверь, найти ключ к которой влюбленному инженеру не удавалось. Зато он без всякого усилия пленил Байназара, и Алтын предчувствовала, что рано или поздно горячо поддерживаемый её родителями Еламан приступит к ней с серьезным предложением. А пока ему приходилось довольствоваться снисходительными кивками девушки. «За лошадью он пришел. Мог бы у соседей взять!» – подумала она и победно улыбнулась. Настроение у неё поднялось, и кисть веселее забегала по стене.

Свою работу Алтын закончила только на следующий день. Теперь дом стоял, облаченный в нарядное одеяние терракотового цвета, резко выделяясь среди соседских домов со скучной подсиненной побелкой.

Наступил день приезда важных гостей из столицы. С утра в доме и во дворе стояла суматоха. Рымкеш палила над костром посаженные на вилы бараньи лытки. Рядом уже опаленную и очищенную голову мыла в тазу и скоблила ножом Айнаш. В отличие от матери, движения её были плавны и исполнены достоинства. Ержан, загорелый до гнедого оттенка парнишка с копной черных жестких волос и с тенью пробивающихся усиков над губой, колот дрова для самовара.

Сам Байназар разделял на старой клеенке под яблоней тушу молодого барана. Его багрово-бурое лицо было сосредоточенным, точно он решал какую-

то непосильную задачу. Было заметно, что мыслями он далеко отсюда, и они никоим образом не касаются этих сочных, пузырящихся пленкой кусков мяса, с которыми так ловко управлялись его крупные жилистые руки. Из динамика, висевшего на стене сарая, несясь патетический голос диктора, призывавшего народ поднатужиться и засыпать в закрома республики очередной миллиард зерна.

Младшие дети, двойняшки Нуржан и Токжан, бродили тут же и надоедали матери, клянча баурсаки, золотистой горкой поднимавшиеся из большого эмалированного таза, стоящего под навесом на столе. Отец оторвал глаза от работы и, выныривая из недр своих дум, придирчиво оглядел ребятнишек.

– Ты хоть бы передела их! – упрекнул он жену.

Рымкеш бросила взгляд на двойняшек:

– С утра Айнаш надела на них всё чистое. Дети ведь, носятся всюду...

– Папа, хватит? – спросил Ержан, медленно разгибаясь.

Байназар окинул взглядом кучку дров, и брови его поползли к переносице:

– Только и всего? А ну пошевеливайся!

Паренек нехотя продолжил работу.

Рымкеш сняла лытки с вил и начала ловко соскабливать с них обуглившуюся шерсть.

– Эй, девчонка, что ты там всё копаешься? – вскинулась она на дочь. – Видит Бог, твоя будущая свекровь мне спасибо не скажет!

В кухне за низким круглым столом колдовала над большой чашей мясного салата Алтын. Она взглянула на часы, висевшие над шкафом, было без четверти три. «Скоро подъедут, надо успеть!» Алтын добавила ложку майонеза из баночки и продолжила энергично мешать содержимое чаши. Рядом на одеялах-корпе сидела Лятип и зачарованно наблюдала за движениями внучки. Алтын была старшим ребенком в семье и по обычаю считалась дочерью стариков. Она очень любила свою бабушку-маму, которая с первых лет жизни стала для неё самым родным и близким человеком. Да и Ляטיפа в ней души не чаяла, не давала никому в обиду. Она была для Алтын умудренной жизнью матерью, а Рымкеш – скорее заботливой старшей сестрой.

Нуржан и Токжан с громким топотом вбежали во двор, возбужденно крича:

– Приехали! Приехали!

Всё семейство, бывшее во дворе, как по команде, повернуло головы к воротам. Байназар даже вышел из-за яблони, вытирая руки тряпкой. Мимо дома проехал чей-то «москвич». Отец сердито шикнул на малышей и принялся солить разделанное мясо. Эта сцена повторилась еще дважды, и мать прогнала незадачливых гонцов в сад собирать падалицу.

– Эй, Байназар, коньяку-то не мало? – спросила вдруг Рымкеш озабоченно. – Там, у них в городе, поди, все коньяк пьют...

– Хватит, – ответил ей муж не очень уверенно. – Не хватит, Ержана в дежурный магазин пошлем.

– Велосипед сломался, – заметил парнишка, увлеченно рассматривая острие топора.

– Что, без велосипеда не можешь, ноги отсохли?! – вскипел отец.

– Эй, Байназар, – прервала его жена, укладывая в таз вымытые бараньи лытки и голову. – Минеральной бы докупить...

И тут все услышали сигнал подъехавшей машины.

– Приехали! – вырвалось у всей семьи почти одновременно.

Вплотную к воротам подъехал и остановился белый микроавтобус «рафик». Из него стали выходить гости – преимущественно полнотелые люди

среднего возраста. Среди них выделялась девочка-подросток в голубых брючках-бананах и желтой футболке с изображением на груди выгнутой в прыжке черной пантеры. Байназар наскоро помыл руки под умывальником и, на ходу вытирая платочком, поспешил навстречу гостям.

– Грейте самовары! – бросила Рымкеш детям и тоже засеменила к калитке, в которую уже входили важные люди из столицы.

– Ассалом Алейкум! Здравствуйте! Добро пожаловать! Как доехали? – здоровался радушно Байназар, по очереди пожимая руки мужчинам.

Следуя за ним как тень, Рымкеш приветливо кивала приезжим:

– Здравствуйте! Как поживаете? Надеюсь, все в добром здравии...

– Отлично доехали! Что тут ехать? Всего-то триста километров, – отвечал под одобрительные смешки Кайсар, невысокий остроглазый мужчина в светлой одежде. Он крепко обнял Байназара и поцеловал Рымкеш, отчего ввел её в смущение.

– Так устали, пыли наглотались, – капризно тянула его жена Бану, пышнотелая дама с химической завивкой и в ярком крепдешиновом платье, обтягивавшем её округлые формы. – А это кто? Я никого не помню, – сказала она, окинув взглядом двойняшек, которые, открыв рты, глазели на долгожданных гостей.

– А где апа? Где моя золотая апа? – вскричал вдруг Кайсар.

В эту минуту на порог вышла Лятипа. Кайсар бросился к ней и, подняв на руки, закружил по двору.

– Ой, отпусти! Отпусти, проказник! – дребезжала старуха старческим смешком, суча ногами.

Очутившись на земле, она поправила выбившиеся из-под платка седые пряди.

– Ну, проказник! Никак выпивши ты?

– Я?! – выпучил глаза Кайсар. – Ты же знаешь, я с детства не пью! – Во круг рассмеялись.

Гости стали учтиво здороваться со старухой:

– Здравствуйте, апа. Как ваше здоровье?

– Слава Богу, милые, слава Богу... – Она постояла немного, с любопытством оглядывая толпу, потом повернулась к Бану: – А это не невестка ли наша?

– Да, это я, – разулыбалась Бану, словно в ней признали кинозвезду.

– И-и, милая, я тебя едва узнала, – протянула бабка. – Ты ведь раньше худенькая была.

Раздались смешки.

– Какая ты теперь стала хорошенькая! – залюбовалась на Бану старуха.

– Правильно, апа, что похвалила, – сказал Кайсар с серьезным видом. – А то все её обижают, толстухой называют, даже в машину не хотят сажать.

– Неужто?! – изумилась старуха. – И что за народ! В кои-то веки женщина на человека стала похожа... – дальнейшие её слова потонули в хохоте.

Лятипа недоуменно огляделась и, махнув рукой, заковыляла в сторону сада. Бану, не обращая внимания на смеющихся спутников, с нежностью смотрела ей вслед.

– Вот эту яблоню посадил я! – провозгласил тем временем Кайсар, хлопая холеной маленькой рукой по стволу яблони, под которой Байназар разделывал барана.

– Оно и видно, – ухмыльнулся Сауран, высокий чернявый мужчина в белых брюках, – на ней нет ни одного яблочка.

— Очевидно, она отдыхает в этом году, — возразил ему невзрачный молодой человек, вытаскивая из пачки сигарету. — Я знаю, я ведь тоже из аула...

Чернявый похлопал по карманам, потом требовательно протянул ему два растопыренных пальца:

— Аспирант!

Молодой человек услужливо сунул меж ними свою сигарету.

Из дому вышла Алтын. Она успела переодеться в штапельное платье в мелкий цветочек, перехваченное в тонкой талии пояском. Волосы её были аккуратно прибраны и заколоты.

— Здравствуйте! — сказала она громко, обращаясь ко всем сразу.

Кайсар театрально сделал шаг назад, изобразил на лице восторг и, приложив руку к груди, напевно произнес:

— Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты!

Все вокруг захлопали, а Алтын, улыбаясь, подошла к Кайсару и утонула в его объятиях. Аспирант с интересом уставился на неё.

Бану, обмахиваясь веером и закатывая глаза, взмолилась:

— Ага, пить! Чего-нибудь холодненького...

— Ой, пожалуйста! — подхватила Жибек, женщина в очках с модной графеной оправой и платье-сафари. — Только не сырую воду! Я боюсь инфекции.

Ержан принес на подносе бутылки с минеральной водой и стаканы, поставил их на табурет у стены и удалился. Байназар начал откупоривать бутылки и разливать шипящую жидкость по стаканам. Все, кроме девочки, жадно пили. Она подошла к колонке и, открутив кран, стала ловить ртом струю.

— Салтанат, детка, заболел! Лучше минералки выпей! — сказала ей Бану встревоженно, но девочка пропустила её слова мимо ушей.

Во двор вошел рослый усатый молодой человек со спокойным приветливым лицом. Он пожал руку Байназару, тот предложил ему новый стакан воды:

— На, сынок, пей!

— Это наш шофер, — обронила Бану и сказала приказным тоном: — Алмат, принеси сумки.

Но тот принял из рук Байназара стакан с водой и не спеша, с наслаждением стал пить.

— Алмат, ты можешь быстрее? Конфеты уже, наверное, расплавились. — Бану готова была съесть шофера.

— Ты чего, воды сроду не видел?! — вскричал вдруг Кайсар, тараща глаза на Алмату. — Пока ты тут пьешь, там, понимаешь ли, конфеты расплавились и потекли по всей улице....

Все дружно засмеялись. Бану обиженно отвернулась от мужа.

Алмат ушел к машине, остальные разбрелись по двору.

— Ах, какой у вас чистый воздух! — сказала Байназару Жибек, поправляя волосы унизанной серебряными перстнями рукой. — Это что, совхоз?

— Когда-то был колхоз, потом стал совхозом.

— А дороги неважные. И ужасно далеко! Но, говорят, Иссык-Куль здесь совсем рядом?

— Восемьдесят километров.

— Правда? Чудесно! Вы, наверное, каждое лето ездите туда купаться?

— Что вы! — махнул рукой Байназар. — Я всего-то раз и был там. С совхозной бригадой ездил, на один день.

Тут их внимание привлек Кайсар, который начал раздеваться и складывать одежду на табурет под яблоней. Жибек захлопала в ладоши. Бану подозрительно уставилась на мужа:

– Что ты собираешься делать?

– Салтанат, ну-ка, побрызгай на дядю Кайсара! – закричал тот, обнажившись до плавок, плотно облепивших его рыхлое дорожное тело.

Озорно улыбнувшись, девочка открутила кран до предела и зажала рукой струю.

– Ох, как хорошо, ах! – вскрикивал Кайсар, блаженно подставляясь под струю.

– Чья это девочка? – спросил Байназар у Бану.

– Это дочь Арыстанова, – ответила та со значением.

Байназар не стал уточнять, только посмотрел на незнакомку с благоговением. Аспирант подошел к Салтанат и предложил заменить её, но та сердито отмахнулась от него. Сауран вдруг взял у Байназара початую бутылку, сделал знак девочке, чтоб остановила струю, и, подойдя к Кайсару, вылил на него содержимое бутылки:

– Вот тебе, Каке, весь комплекс лечения минводами.

Это вызвало у зрителей новую волну веселья. Из сада появилась Лятипа и остановилась, потирая поясницу.

– Эй, Кайсар, взбесился ты, никак? – закричала она вдруг гневно. – Ну-ка, прикрой срам, ах ты, негодник!

Байназар подскочил к ней:

– Апа, что вам за дело? Шли бы себе, будто ничего не видите...

– Как это я не вижу? – кипятилась бабка. – Слава Аллаху, еще не ослепла. Или ты думаешь, если он – большой начальник в Алматы, ему и слова не скажи? Для кого он и начальник, а для меня – всего лишь сопливый Кайсар!

Кайсар, подняв руки, пошел к ней:

– Всё, сдаюсь, апа! Дай я обниму тебя.

– Уйди, бесовестный! – замотала головой старуха под общий смех. – Не показывайся мне на глаза!

– Пожалуйста в дом, чай пить, – пригласила Рымкеш.

Гости гуськом двинулись к дому.

Ержан загружал чрево самовара щепками, Салтанат стояла рядом и наблюдала.

– Дай я, – не дожидаясь разрешения, она бросила в гудящее жерло пару щепок, потом еще несколько.

Из самоварной трубы повалил дым.

– Стой! – строго остановил её Ержан, вытащил несколько щепок и подул в трубу.

В дверях показалась Айнаш:

– Вас зовут пить чай, – обратилась она к госте.

Салтанат скользнула по ней взглядом и снова повернулась к самовару. Тот весело гудел, пуская в небо искры. Айнаш вздохнула и ушла в дом. Салтанат завороченно смотрела на огонь, вырывавшийся из трубы. Ержан то и дело украдкой поглядывал на приезжую, которая совсем не была похожа на сельских девчонок.

На пороге появилась Рымкеш.

– Аке¹, иди пить чай, – сказала она Салтанат, направляясь к навесу.

Гости разместились за уставленным дастарханом. Сауран сидел во главе стола, по правую руку от него – мужчины с Байназаром в конце, по левую руку – женщины с Лятипой. Чай из поющего самовара разливала Алтын.

¹ Аке – ласковое обращение к детям или к младшим по возрасту, распространенное на юге.

Кайсар взял пухлыми пальцами стопку из простого стекла и поднял к Байназару слегка затуманенный взгляд:

– Ага, – потом перевел взгляд на Лятипу: – Апа, – и остановился на Алтын: – Женгей²... а где женгей?

– Говори, говори, сейчас придет, – закивал Байназар.

– Я хочу познакомить вас с моими друзьями, – Кайсар обвел взглядом спутников. – Это Сауран, – сказал он, слегка отводя руку в сторону чернявого мужчины, – мой товарищ по университету. Кандидат экономических наук, ныне завкафедрой, декан факультета.

– Барекельды³, – Байназар учтиво взглянул на Саурана.

– Салточка, детка, ты почему ничего не ешь? – обратилась Бану к девочке, уныло жующей яблоко.

– Не хочу, – отрезала та.

– Ну, съешь хоть чего-нибудь! – взмолилась Бану, потом строгим тоном аспиранту: – Тельман, что ж ты не ухаживаешь за ней?

– Я предлагал, Бану Аскеровна, она отказалась, – пожал плечами тот.

– Не знаю, что с ней делать, – склонилась Бану к Жибек, – я бы уже с голоду умерла.

Кайсар всё это время смотрел на жену и ждал. Бану поймала его взгляд и умолкла.

– А это жена Саурана Жибек, – Кенже перевел взгляд на её соседку. – Работает заведующей центральной аптекой города. У неё есть лекарства от тысячи и одной болезни.

– Когда ты успел сосчитать? – кокетливо сверкнула очками Жибек.

– Кстати, Жибек, ЛИВ-52 не поступал? – опять встряла Бану, слегка понизив голос.

Жибек неопределенно качнула головой.

– Имей в виду, – теперь Бану зашептала: – Для жены Байузакова.

Кайсар опять посмотрел на неё долгим взглядом.

– А вот эту девушку зовут Бану, – произнес он ласково. – Она скромная и молчаливая. И еще страдает плохим аппетитом.

Бану обиженно поджала губы и отодвинула тарелку.

– Ох, проказник! – вскинулась Лятипа. – Сроду все мужчины у нас такие были: хлебом не корми, дай только над женой поиздеваться, – она повернулась к Бану: – Ешь, милая, не слушай его. Ешь сколько захочется.

Последние её слова были заглушены громким смехом. А Кайсар уже смотрел на Тельмана, который в это время откровенно разглядывал Алтын.

– А вот этот джигит – наш молодой друг, подающий большие надежды, без пяти минут кандидат наук, будущее светило науки...

– Кайсар Оспанович! – умоляюще промямлил тот, поднимая руки.

– Зовут его Тельман, – закончил Кайсар, делая ударение на имени.

Салтанат поднялась, подошла к серванту и стала рассматривать его нехитрое содержимое: среди посуды были фотографии в рамках, безделушки.

– Как ты сказал, его зовут? – спросила старуха. – Тельжан?

– Тельман, апа, – ответила вместо мужа Бану. – Так звали одного английского писателя.

– Немецкого революционера, Бану Аскеровна, – привычно поправил аспирант.

² Женгей – жена старшего брата, дяди.

³ Барекельды – выражение одобрения, вроде: замечательно, отлично.

– А-а, вот как, – протянула Лятипа сочувственно. – Как не повезло-то тебе, парень! Сиди тут и объясняй свое имя таким глупым старухам, вроде меня...

– К счастью, нечасто они встречаются на моем пути! – криво ухмыльнулся аспирант.

– К счастью ли?! – Кайсар вперил в него свой карающий взгляд.

Тот сразу изменился в лице и опустил глаза.

– А вон там сидит мой дядя Байназар, – Кайсар перевел потеплевший взор на дядю. – Мой дед Дармен и его отец Смагул были родные братья. Когда отец мой Оспан погиб на фронте, Смагул-ата заменил мне его... Ну, а это уважаемая всеми и любимая наша апа Лятипа. Родись она позже, сейчас восседала б в правительстве.

Все одобрительно загудели.

Лятипа заулыбалась беззубым ртом:

– Вот проказник!

Кайсар сделал паузу.

– Давайте выпьем за... – и тут был остановлен взглядом жены, выразительно поведившей глазами в сторону Салтанат. Кайсар поставил стопку, пошевелил пальцами.

– Эта любознательная девочка – дочь Арыстанова Гали Омаровича. Думаю, его все знают.

– Я, что ли? – Салтанат живо повернулась и сделала глубокий книксен.

– Аке, садись, покушай, – обратился Байназар к Салтанат. Та нехотя села на место.

Гости ели, обмениваясь репликами.

– Ой, зачем вы налили с молоком? – капризно протянула девочка, принимая пиалу из рук Алтын.

– От крепкого чая без молока портится цвет кожи, – сказала ей та вполголоса.

Салтанат подняла на неё глаза и протянула ехидно:

– Если это крепкий чай, то я – Мэрилин Монро!

Алтын сощурилась, но промолчала. Тельман наклонился к девочке:

– Тебе не стыдно грубить старшим?

– Нет! – отрезала та и вдруг с аппетитом начала уплетать мясной салат вприкуску с баурсаками.

– Умница! – с чувством сказала Бану. – Алтын, что это чай такой светлый стал?

– Этого следовало ожидать. Он же не индийский! – парировала девушка.

Рымкеш принесла блюдо с куырдаком и сменила дочь за самоваром. Алтын вышла, швырнув салфетку на сервант.

– Ешьте, берите куырдак⁴! – угощал Байназар. – С дороги ведь, проголодались.

– Очень вкусно! – сказала Бану с набитым ртом.

– Просто симфония! – добавила Жибек, поднимая большой палец.

– А где Алмат? – спросил Кайсар, увлеченно обгрызая ребрышко.

– Да всё в машине копается, – ответил Байназар, поднимаясь, – сейчас схожу за ним.

– Куда это ты? – нахмурилась Лятипа. – Сядь. Пусть девочка ходит.

– Салтанат, сбегай за Алматом, – попросил Кайсар.

– Пусть поест! – запротестовала Бану.

⁴ Куырдак – жаркое из свежих бараньих внутренностей и ребрышек.

– Ешь, дочка, ешь! – Байназар поспешно вышел.

– Когда есть ребенок, негоже посылать взрослого человека! – отчеканила Лятипа.

– Апа, она же гостья! – обиженно сказала Бану и раздраженно обратилась к Рымкеш: – Женгей, у вас что, нет индийского чаю?

– Откуда ему взяться? – поджала губы Рымкеш.

Вошли Байназар и Алмат. Шофера посадили рядом с девочкой.

– Следующий тост я предоставляю Саке, – объявил Кайсар.

Сауран неспешно поднялся, взял в руку стопку. Говорил он гладко, слова были привычные, обкатанные.

– Только что нас познакомил мой давний товарищ и друг Кайсар и тем самым облегчил мою задачу. Произнося этот тост, я обращаюсь ко всем, как к знакомым и близким людям. Мы, казахи, так созданы, что не можем жить без родни, и чем её больше, тем лучше мы себя чувствуем. Я считаю, что это прекрасная наша черта, поскольку в родственном единении, содружестве и взаимопомощи – наша сила. В этом мире, как вы знаете, больше врагов, чем друзей. Но если у тебя есть многочисленная дружная родня, они тебе не помеха.

– Барекельды, – благостно кивнул Байназар.

– Я рад, что познакомился с семьей Байназара-ага, – продолжал Сауран. – Если раньше он был дядей моего друга, то теперь Байеке и мой дядя. Давайте же выпьем за этот чудесный дар, завещанный нам предками: обращать чужих людей в своих близких!

Все одобрительно загудели, чокнулись и выпили.

– Какие слова! – умиленно покачал головой Байназар и прижал руку к сердцу: – Спасибо, Саке! Дай вам Бог здоровья!

Тот самодовольно улыбнулся.

– Дядя Сауран, а правда, что студенты присылали вам гроб домой? – спросила вдруг Салтанат, невинно хрустя яблоком.

Рымкеш и Байназар испуганно переглянулись. Сауран замер, Жибек закусила губу. Бану с укором посмотрела на девочку и покачала пышной головой. Тельман с любопытством воровато оглядывал всех, лицо Кайсара стало непроницаемым.

– Что сказала эта девочка? – спросила старуха у Кайсара.

– Так, ничего, апа, не обращай внимания! – махнул он рукой.

– Как ничего, я же вижу, вы прямо все с лица сошли.

Алмат тронул Салтанат за плечо:

– Забыл сказать, тебя там вызывают.

– Меня?! – девочка удивленно вскинула брови и вышла из комнаты.

Во дворе Ержан сидел на полене и разрубал топором дрова на мелкие щепки. Из дому выскочила Салтанат и подошла к нему:

– Ты меня звал?

Ержан вытаращил глаза:

– Я? Тебя?

– Кончай прикидываться, – Салтанат подбоченилась и в упор посмотрела на него.

Ержан вспыхнул и пробурчал:

– Да не звал я тебя!

Девочка огляделась и развела руками:

– Но тут больше никого нет!

Ержан ухмыльнулся и показал пальцем на петуха:

– Может, он звал?

Девочка наклонилась и швырнула в него щепку. Ержан увернулся и пошел в сад.

– Эй, ты куда? – Салтанат постояла немного и пошла за ним.

Из дому вышла Алтын и начала остервенело шурудить уголь в самоваре, бормоча под нос: «Я так и знала, что всё будет так! И чай им индийский подай, и звезду с неба достань! Скорей бы уж они убрались к себе, в свою Алма-Ату!» Появился Алмат, сел на табуретку неподалеку и закурил.

– Хочешь, угадаю твое имя? – спросил он, помолчав.

Девушка искоса взглянула на него и промолчала.

– Тебя зовут Алтын. У нас с тобой имена похожие, меня зовут Алмат, – улыбнулся шофер. – Сколько тебе лет?

– А вам какое дело? – вспылила девушка.

– Просто спросил, – пожал он плечами. – Вообще-то, можешь не говорить. Я знаю, тебе двадцать пять.

Алтын вспыхнула:

– Еще нет двадцати пяти!

– Неделька осталась, – улыбнулся Алмат.

Алтын прищурилась:

– Откуда такая осведомленность?

– Ержан сказал, – ответил просто парень.

– А еще что он вам сказал? – нахмурилась девушка, присаживаясь на полено.

– Что ты – учительница. Остальное сама расскажешь.

Алтын усмехнулась в ответ. Помолчала и спросила:

– А вам сколько лет?

– Сколько, ты думаешь?

– Тридцать пять!

Алмат вздрогнул и качнул головой:

– Ну ты хватила! Теперь понял, почему ты мне выкаешь. Я всего на три года старше тебя.

– А почему тогда вы так плохо выглядите? – язвительно спросила Алтын, включаясь в словесную игру.

Шофер глубоко затянулся сигаретой:

– Видишь ли, во-первых, у меня работа сидячая. Во-вторых, из-за усов, наверно. Потом, я женат. Это тоже имеет значение.

Возбуждение на лице девушки померкло.

– А... дети у вас есть? – спросила она негромко.

– Да, один. – Алмат вдруг оживился: – Знаешь, какой шустрый мальчишка! Десять с половиной месяцев, а уже ходит! Ты когда-нибудь слышала такое?

– Подумаешь, – пожала плечами девушка. – Я в девять месяцев ходила и уже «эр» выговаривала.

– На полном серьезе?! – искренне поразился Алмат.

– Ну да. Бабушка рассказывала.

– Вот ты даешь! Это потому ты такая сердитая получилась?

Алтын вздохнула и провела ладонями по лицу:

– Да не сердитая я.

Она снова пошуридила в самоварном жерле и взялась за его ручки.

– Стой! Вот артистка! Дай сюда! – Алмат отстранил Алтын, легко поднял самовар и потащил его в дом. Склонив голову набок, она проводила его взглядом. Алтын никогда не нравились усаые парни, но этот почему-то не вызывал у нее неприязни.

Ержан и Салтанат брели по саду. Он подобрал грушу, оттер её краем футболки, сел на траве по-турецки и стал есть. Салтанат опустилась рядом, откинулась на руки.

– Ты в какой перешел?

– В десятый.

– А я в восьмой... Ты хочешь еще в школе учиться?

Ержан пожал плечами.

– А я не хочу. Мне еще в шестом надоело.

Ержан удивленно посмотрел на неё:

– И что бы ты делала?

– Ничего. Ну... сначала бы поехала в Москву и наелась бананов на всю жизнь, чтоб больше не хотеть. А потом... потом поселилась бы на даче и по вечерам принимала друзей.

– А днем?

– Днем? Днем ходила бы на тренировки, гуляла с собакой, слушала музыку. Ну, короче, жила бы в кайф.

Ержан прыснул.

– Ты чего?

– Да так. А на какие шиши все это?

– А ты на какие живешь?

Ержан усмехнулся:

– Я в Москву не езжу.

– И ни разу там не был?

– Нет.

– Вот тоска!

Ержан далеко отшвырнул огрызок, подошел к почти вертикальному суку груши и стал подтягиваться.

Салтанат некоторое время наблюдала за ним, потом сказала:

– А я знаю, куда ты пойдешь после школы.

– И куда же?

– К дяде Саурану на ПЭФ.

Ержан спрыгнул на землю, сунул руки в карманы, спросил:

– Что такое ПЭФ?

– Планово-экономический в Нархозе.

– Откуда ты знаешь?

– В машине слышала. Дядя Кайсар говорит: «Ну что, Саке, возмешь к себе дядиного оболтуса?».

Она запрокинула голову и рассмеялась:

– Прикинь, оболтуса! Ха-ха-ха!

Ержан молча смотрел на неё, и на скулах его играли желваки. Потом он резко повернулся и пошел к дому.

– Эй, ты куда? – крикнула Салтанат, приподнимаясь. – Вот псих, – добавила она тише, поднялась, отряхнула брючки и стала гулять по саду. Он был большой, тенистый, деревья еще не старые, с крупными налитыми плодами.

Тут послышался голос Бану:

– Салтанат, детка, где ты?

Гости шли в сад. Рымкеш впереди всех несла напольные одеяла-корпе. Айнаш следом тащила подушки.

– Детка, что ты тут делаешь? – проворковала Бану.

– Ничего! – привычно парировала девочка.

– Тебя не обидели? – озаботилась Бану.

Сауран бормотнул:

– Её обидишь.

Жибек тронула его за руку:

– Ну, хватит.

Бану отвела Салтанат в сторону и зашептала:

– Извинись перед дядей Саураном. Некрасиво получилось.

Салтанат пожала плечами, подошла к Саурану.

– Дядя Сауран, простите, я больше не буду, – проговорила она скороговоркой.

Тот кисло кивнул.

– Нет, дядя Сауран, вы не простили меня, я вижу! – выпалила вдруг девочка и бухнулась перед ним на колени: – Я прошу вас, умоляю! Дядя Сауранчик, ну миленький! – в голосе её послышались слезы.

– Что ты, девочка, что ты! Успокойся! – растроганно сказала Жибек.

Сауран растерянно погладил Салтанат по голове. Супруги в четыре руки подняли её с колен. Она откинула со лба волосы, шмыгнула носом и ушла.

– Какая впечатлительная девочка! – вздохнула Бану умиленно. – Как бы чего с ней не случилось.

А Салтанат шла по саду и сдавленно смеялась. Отойдя подальше, она упала в траву и дала волю рвущемуся наружу смеху.

Айнаш убирала посуду со стола, носила её во двор под навес. Лятипа сидела на диване и делала замечания:

– Вот это убери. Яблоки пусть остаются. Куда понесла хлеб?

– Это огрызки.

– Что? Какие еще огрызки? Ну-ка, дай сюда! – она взяла из рук внучки хлебницу, отобрала целые баурсаки и куски лепешки. – Ишь, огрызки. Вам лишь бы всё выбросить. Прости их, Господи, грешных...

Под навесом Алтын мыла посуду. Рымкеш опускала в казан крупные куски баранины. Алмат сидел на прежнем месте.

– Ты любишь танцевать? – спросил он вдруг у девушки.

– Смотря что.

– Вальс умеешь?

– Очень плохо. Можно сказать, не умею.

– Жалко. В клубе у вас бывают танцы?

– Да, по субботам.

– Сегодня как раз суббота! Пошли вечером в клуб?

Подкладывая дрова в печь, Рымкеш покосилась на парня. Алтын качнула головой:

– Не могу. У нас ведь гости.

Рымкеш сказала дочери:

– Следи за казаном. Не забудь пену снять, – и удалилась, еще раз скользнув взглядом по Алмату.

– А может, всё-таки пойдем, а?

– Не могу-у! Как ты не понимаешь! – простонала девушка, сливая грязную воду в помойное ведро, и удивилась: когда это она перешла с ним на «ты»?

Алмат вздохнул, стряхнул пепел.

– Ты знаешь, я так люблю вальс, – сказал он, улыбаясь, – и хорошо танцую.

Алтын недоверчиво приподняла брови и принялась вытирать вымытую посуду.

– На полном серьезе, – с жаром сказал Алмат. – Но всегда очень трудно найти партнершу.

Он задумался и улыбнулся каким-то своим воспоминаниям.

– Однажды я был проездом в одном городе, – начал он. – В Темиртау, знаешь, под Карагандой?

Алтын кивнула.

– Вечером пошел во Дворец металлургов на танцы. И мы станцевались там с одной девушкой. Из Омска. Знаешь, что это такое, когда найдешь партнершу по себе? Это... это словами не передать. Ну, просто счастье, честное слово! Как мы с ней кружились, весь дворец смотрел!

– Ты занимался бальными танцами?

– Да. Но недолго, год всего. Ну вот... Потом мы обменялись адресами, и я предложил ей встретиться через год в том же дворце. И мы встретились! И снова танцевали. Весь вечер. А на другой день...

– Ты предложил ей руку и сердце, – сказала Алтын.

Он засмеялся:

– Нет. На другой день дворец был закрыт. И мы пошли в парк. А там танцев не было. Потом я проводил её на поезд.

Он замолчал. Алтын открыла крышку казана и начала снимать пену.

– А почему ты не женился на ней? Раз это было счастьем? – спросила она задумчиво.

– Почему? Да потому что совсем не обязательно жениться на партнершах по танцам. Это раз. Ну, а во-вторых, у меня уже была Лисичка.

– Лисичка?

– Да. Я так жену называю. С первых дней, как познакомились.

– Она что, хитрая?

– Нет, она мудрая.

– Странно. Тогда следовало бы называть ее Совой.

Алмат засмеялся, потом спросил:

– А у тебя есть парень?

– Есть! – ответила Алтын твердо, не задумываясь.

– Ты его любишь?

– Конечно.

– На полном серьезе?

– А чего тут шутить! Осенью свадьба, – Алтын куда-то несло, она даже сама не понимала, зачем и о ком говорит.

– Понятно. А он... он тебя любит?

– Обожает.

– Он красивый?

– Мм... симпатичный.

– Лучше меня?

Алтын оценивающе взглянула на парня.

– Лучше!

– В каком смысле?

– Во всяком.

Алмат вздохнул:

– Понятно, – он задумался, глядя на неё, и вдруг спросил без всякой связи: – У вас тут есть речка?

– Речка? – удивилась она. – Есть, так, неглубокая, за садами течет, Чу называется.

– Пойдем, искупаемся? Жарко.

– Еще чего! – фыркнула Алтын. – Я же сказала: у нас гости.

– Ну что ты заладила – гости, гости! Плюнь ты на них.

Алтын с удивлением посмотрела на него:

– Ты какой-то странный. Сразу видно, городской. У тебя нет никакого понятия о гостях.

– Знаешь, гости гостям рознь. Я же вижу, они у тебя в печенках сидят, – возразил он.

– Ну и что? Не могу же я из-за этого всё бросить на мать и уйти? Она же без меня как без рук... – Алтын вдруг увидела брата, скатывающего висевшее на суку старое фланелевое одеяло. – А иди-ка ты с Ержаном, видишь, он как раз на речку собирается.

– Ну-у, – протянул Алмат, – с ним неинтересно. И потом, он, кажется, не один идет.

Алтын взглянула на Салтанат и нахмурилась:

– Какая противная девчонка!

Алмат пожал плечами:

– Обыкновенная. Ну, может, чуть избалованная.

...Ержан и Салтанат лежали рядом на одеяле, постеленном поверх гальки. В метрах десяти от них несла свои быстрые воды река. Она обмелела и сузилась. За речкой тоже было холмистое галечное пространство. А еще дальше, на высоком берегу виднелись сады, за ними – сельские дома.

– Кто тебя научил плавать? – спросил Ержан, не глядя на девочку.

– Я на секцию ходила. Целый год. Я раньше каждый год на какую-нибудь секцию ходила. В пятом – на волейбол, в шестом – на фехтование, в седьмом – на плавание. А в этом году хотела на каратэ, не выгорело: тренер уехал.

– Каратэ?! – Ержан повернулся к ней.

– Да, а что тут такого? В той секции занималась Регина, дочь маминой приятельницы. Правда, нелегально. В прошлом году её посадили за убийство. Короче, шла она вечером с дискотеки, подходят двое. Ну и давай клеиться. Она как даст одному ребром ладони по черепу, тот упал неудачно и скопытился. Шуму было! Тренер тут же сгреб манатки и смылся.

Ержан молчал, осмысливая услышанное. Салтанат протянула руку, пощупала его бицепсы.

– Ого! А ты чем занимаешься?

– Ничем. Работаю в саду грузчиком.

– Зачем?

– Чтобы заработать.

– На что? На маг?

– На джинсы.

– А у тебя их нет?

– Нет.

– И не было?

– Нет.

– Никогда?!

– Никогда!

– Вот тоска!

Ержан рывком поднялся и пошел к реке. Салтанат подперла голову рукой и посмотрела ему вслед...

На веранде Рымкеш открыла объемистую сумку, вытащила оттуда две коробки шоколада, бутылку коньяка и выразительно посмотрела на мужа.

– Что стряслось опять? – спросил он.

– Ничего! В кои-то веки приедут, хоть бы отрез какой-нибудь привезли... Родственнички!

– Ну-ка! Понеслась! – прикрикнул на нее Байназар. – Спасибо скажи, что приехали. Ох, бабы, ну и умишко у вас, ничего дальше подола своего не видите!

...Слегка относимые течением, Салтанат и Ержан плыли наперегонки к другому берегу. Салтанат обогнала Ержана, повернулась к нему и засмеялась, победно тряхнув челкой.

Ержан доплыл до неё. Лицо его было залито краской стыда.

– А теперь назад! – сказала она весело, и они поплыли обратно. На уровне большого белого валуна, выступавшего из воды, девочка остановилась и повернулась к нему. Не доплыв до неё пары метров, он вышел на берег, сел на гальку и низко опустил голову.

Она подошла, на ходу отжимая купальник на теле. Потом отжала волосы и стала перед ним, подбоченившись:

– Ну?

Ержан поднялся, взял её руку и поднял вверх, как делают рефери.

– И всё, что ли? – спросила она насмешливо. – А уговор?

Ержан посмотрел на одинокий карагач. До него было метров пятьдесят. Он постоял, будто примериваясь, потом быстро нагнулся и поднял девочку на руки. Она хихикнула и обхватила его за шею. Ержан понес её, мерно раскачиваясь и глядя прямо перед собой. Салтанат тихо хихикала и разглядывала его напряженное лицо. Дойдя до дерева, Ержан опустил её на траву, а сам свалился рядом.

– Кайф, – вздохнула девочка и, растянувшись на спине во весь рост, прикрыла веки.

Ержан приподнялся на локте и стал смотреть на неё. Тело девочки было еще угловатым, с выпирающими коленками и локтями, но уже обозначилась плавная линия бедра, и под ярким лифчиком купальника вызывающе торчали два маленьких бугорка.

– Зачем ты приехала сюда? – спросил он тихо.

Она помолчала, потом ответила, не открывая глаз:

– Сбежала из дому. Там симпозиум медиков, не дом, а забегаловка.

– А почему ты не поехала в другое место? Ну... отдохнуть.

– А куда ехать? – она открыла глаза. – Я каждое лето езжу на Иссык-Куль или в Боровое. Там, конечно, клёво, но тоже надоедает. А в позапрошлом году была на Черном море. – Тут она улыбнулась каким-то своим воспоминаниям, потом добавила: – Старший брат уехал в Москву на олимпиаду, я просилась с ним, но он не взял меня. И вдруг дядя Кайсар говорит: едем в аул, на джайляу. Я прикинула, оказывается, ни разу не была в ауле. Ну и поехала.

– Нравится тебе тут?

Салтанат подумала и сказала:

– Лучше, чем дома. Вот если б еще тетя Бану куда-нибудь упрятать! – Она изобразила: – Салтанат, детка, есть будешь?

Ержан рассмеялся.

– Но жить здесь я бы не смогла. Не-е! – замотала головой Салтанат. – С то-ски можно застрелиться.

Они помолчали.

– А на джайляу хорошо? – спросила девочка, глядя сквозь ресницы в небо, которое лоскутами голубело в кроне дерева.

Ержан ответил сдержанно:

– Завтра увидишь.

– А ты не поедешь?

Он пожал плечом:

– Не знаю. Как отец скажет.

– Поехали, – попросила она, – а то мне будет скучно.

Ержан откинулся на спину и, потирая онемевшую руку, тоже стал смотреть в небо...

Байназар, Кайсар и Сауран прогуливались в саду между деревьями. Остальные, развалившись на одеялах неподалеку, играли в карты.

– Сколько у него троек? – спросил Кайсар.

– Две, кажется. По математике и по физике.

– Да-а, – протянул Кайсар и переглянулся с Саураном. – По профилирующим предметам. С директором школы в ладах?

– Как сказать... Приглашаю каждый год на согымбасы⁵.

Кайсар покачал головой:

– Скажешь тоже, – он огорченно оглядел Байназара: – Не деловой ты человек, ага, вот что я тебе скажу. Ну что такое согымбасы? Ты же полсела на него приглашаешь, так?

Байназар виновато крикнул.

– А директора надо выделить, но лучше завязать личный контакт. Кем ты у нас работаешь?

– Обьездчиком, сады сторожу, поля с малиной, смородиной, клубникой.

Кайсар задумался:

– Сады, говоришь? Слушай, ага, – оживился он, – а ты действуй через жену директора, вот что! Подвези ей ягод на варенье, женщины это любят. А через нее выйдешь на мужа, так, Саке?

Сауран неопределенно поднял брови. Байназар почесал затылок.

– А как у него с сочинением? – снова спросил Кайсар. – Трагедию Онегина от трагедии Печорина может отличить?

Байназар смешался, оглянулся в сторону дома:

– Да... не знаю я. Это у него самого бы спросить...

Кайсар укоризненно покачал головой.

– Вот ты пригласил нас, мы приехали. Бросили все дела. А ты не можешь четко ответить, что у твоего сына по сочинению. Неужели ты думаешь, что всё так просто? Там ведь целая система будет работать. И, чтобы эту систему привести в движение, Саке немало придется потрудиться. А врагов сколько! Ты, наверное, думаешь, что мы всемогущие? Сказал он или я: зачислить такого-то, и всё, зачислен?

Байназар совсем сник, стал жалким.

– Ну ладно, Каке, что ты напал на человека, – сказал Сауран и похлопал Байназара по спине. – Не расстраивайтесь раньше времени, Байеке, всё будет хорошо. Еще целый год впереди, пусть сын ваш подтянется по учебе.

Байназар благодарно посмотрел на него. Они пошли к играющим в карты...

– Салтанат, детка, где ты? Салтанат!

Бану вышла из сада и кружила по двору. Алтын подняла голову от ведра, в котором мыла огурцы и помидоры.

– Она ушла с Ержаном на речку.

Бану подошла к ней:

– На какую речку?!

– У нас тут одна речка, где можно купаться, за садами.

Бану с ужасом посмотрела на нее:

– А она глубокая?!

Алтын пожала плечами:

– Да не очень.

– Ага! Кайсар! – завопила Бану в сторону сада.

– Папа ушел на винзавод за вином, – обронила Алтын, не поднимая головы. Не спеша, хрустя на ходу яблоком, показался Кайсар.

– Что? – уставился он на жену.

– Салтанат пропала! Три часа назад ушла на речку, и до сих пор нет!

– На какую речку?

⁵ Согымбасы – угощение из согым, зимних запасов мяса.

– Господи, да откуда я знаю!
– Так. Ну, ушла искупаться. Жарко. Логично?
– Ты меня специально доводишь?
– Зачем тебя доводить? – спокойно возразил Кайсар. – Ты и так уже доведенная. Причем на полную катушку.

Бану вздохнула и сказала слабым голосом:

– Кайсар, мы за неё головой отвечаем. Надеюсь, ты это помнишь?

– Ну и что?

– Господи, ну она же может утонуть!

– Никогда, – сказал Кайсар, догрызая яблоко, – она плавает, как рыба.

– Откуда ты знаешь?

Вместо ответа Кайсар прошел под навес, открыл крышку казана и с наслаждением вдохнул густого мясного духа.

– Вот она, ваша Салтанат, живая и невредимая, – сказала Алтын.

Во двор вошла Салтанат. Лицо её было посвежевшим и веселым.

– Что и требовалось доказать, – провозгласил Кайсар и победным шагом удалился в сад.

– Салют! – весело сказала девочка.

– Детка, где ты была так долго? – бросилась к ней Бану.

– На речке! Вместе с Ержаном.

– Чем вы там занимались?

– Любовью! – вызывающе сказала девочка.

– Салтанат... – ошеломленно прошептала Бану.

– Ну, тетя Бану, вечно вы задаете глупые вопросы! Ну чем можно заниматься на речке?

– Я хотела сказать: так долго... – Бану чуть не плакала.

– Мы купались, – сказала Салтанат, расчесывая волосы перед зеркалом умывальника. – Потом загорали. Потом плавали наперегонки...

Но Бану уже её не слушала. Она шла в сад и плакала, утирая глаза тонким батистовым платочком.

– Зачем ты ей нагрубила? – спросила Алтын.

– А ну её! – взмахнула челкой девочка. – Надоела.

– Слушай, объясни мне, кто твой отец? Царь или бог?

– Бог!

– А точнее?

– Мой отец – министр здравоохранения.

– Ого! Только при чём тут дядя Кайсар? Он же историк.

– У дяди Кайсара обе дочери учатся в медицинском институте. И обе – круглые дуры.

– Ах, да, я совсем забыла, – усмехнулась Алтын.

– Куда этот Ержан подевался? – пробормотала девочка и пошла в сторону ворот.

Алтын с интересом проводила её взглядом. Потом расплескала воду из под овощей по двору и ушла в дом.

Жибек и Бану стояли в зарослях малины.

– Представляешь, так и сказала: вечно задаете глупые вопросы! – всхлипнула Бану, механически срывая и отправляя в рот ягоды. – Нет, она испорченная девочка, гадкая. Мои Гуля и Зуля по сравнению с ней просто ангелы.

Жибек погладила её по плечу:

– Успокойся ради бога. Что поделаешь... А как она Саурана оскорбила? Я еле пришла в себя... Ведь только благодаря Арыстанову я держусь на этом месте десять лет. Сколько проверок было, сама знаешь. Не будь Гали Омаровича, неизвестно, чем бы кончилось. Страшно подумать!

– Да, да, конечно, – Бану шумно высморкнулась в платочек. – Я всё стерплю! Дай бог здоровья Гали Омаровичу. Я всё стерплю ради своих девочек!

...Лятипа сидела в гостиной на диване, о чём-то глубоко задумавшись и поглаживая колено. Вошла Жибек, присела рядом.

– Как тут у вас хорошо, апа! Воздух чистый, витамины прямо под рукой растут.

– Слава Аллаху, грех жаловаться, – кивнула старуха и болезненно поморщилась.

– Что с вами? Колени болят?

– Болят, проклятые, – кивнула Лятипа.

Жибек жадно разглядывала её старинный серебряный браслет на запястье.

– Это, апа, называется артрит, не знаю как по-казахски.

– Шорбуын это по-казахски.

– Да? Может быть. Ну, в общем, смазывайте апизартроном, в любой аптеке можно без рецепта купить. Капроновых чулок не рекомендую носить.

– Да я отродясь их не носила.

– Ах, ну конечно! Апа, откуда у вас этот браслет?

– Этот? От свекрови моей. А та от своей получила. Семейный он у нас. Самой любимой невестке передается.

– О! Какая красивая традиция... Можно померить?

– Зачем тебе? Разве вы такие носите?

– Ах, апа, это сейчас, как это сказать по-казахски? Ну, в общем, голос моды.

Лятипа сняла браслет:

– Примеряй, жалко, что ли.

– Какая прелесть! – залюбовалась Жибек собственной рукой в браслете.

– Большой он тебе, – заметила старуха.

– А по-моему, в самый раз, – женщина еще немного повертела рукой и нехотя сняла браслет.

Лятипа привычным движением водрузила его на место. По лицу Жибек было видно, что она усиленно соображает. Женщина вдруг проворно опустилась на колени перед старухой.

– Дайте я пошупаю ваши ноги. Здесь болит?

– Нет, не болит.

– А здесь?

Старуха охнула:

– Вот-вот, самое место нащупала! Ах, шайтаново логово!

Жибек поднялась, снова села рядом и как будто задумалась.

– Вот что, апа. Есть одна мазь, очень редкая, из Индии её привозят, государство золотом за неё платит.

– Ты только подумай!

– Мне кажется, я смогу вам достать эту мазь.

– Да продлятся твои годы, милая! – растрогалась бабка.

– Только оно очень дорого стоит, апа.

– Сколько же это?

– Сто рублей один тюбик.

– Сто рублей?! – повторила Лятипа недоверчиво. – Слыхано ли такое?

– Да, сто рублей, – Жибек скорбно потупила глаза.

– Да что ты, милая, откуда такие деньги? Да и люди меня засмеют, скажут: Лятипа от смерти сотней откупилась.

– Ну что вы! Сколько вам теперь?

– Восемьдесят четыре, – сказала старуха неуверенно, – или восемьдесят три? Одно знаю, когда Смагул, старик мой, умер, да будет ему земля пухом, семьдесят пять лет мне было. А дальше годы перепутались.

– Да разве это годы! – всплеснула руками Жибек. – Вон на Кавказе люди до ста тридцати живут, а некоторые и того больше, долгожители называются.

– Сто тридцать! Астапыралла! Ты только подумай, – поразились Лятипа, – видно, Бог о них забыл.

Старуха покачала головой и задумалась.

Жибек не мешала ей, терпеливо выжидала. Она сняла очки и начала протирать стекла платочком. Но Лятипа, видно, надолго задумалась, а, может быть, и забыла про её существование.

Жибек не выдержала:

– Апа, – начала она проникновенно, беря её за руку. – Хотите, я подарю вам это лекарство?

– Какое лекарство?

– Ну это, от артрита.

– А-а, то, что сто рублей стоит? – спросила Лятипа, но потом пристально взглянула на Жибек: – За что же такие почести, милая, такой дряхлой старухе, как я?

Жибек улыбнулась и проговорила вкрадчиво:

– А вы мне подарите, апа, этот браслет.

Лицо Лятипы стало суровым. Она прикрыла браслет рукой:

– Нет, милая, браслет этот не дарится. Буду помирать, передам его Рымкеш.

– Рымкеш? – голос Жибек вдруг стал насмешливым: – Она ваша любимая невестка?

– Любимая, не любимая, другой нету. Я восьмерых родила. Шестеро в детстве поумирали, двое вот остались, сын Байназар да дочка Гайни, она в Кызылсае живет. – Старуха вдруг посмотрела на Жибек с подозрением: – А чем же тебе Рымкеш не угодила?

– Что вы! – смешалась та и пробормотала: – Я ничего не имею против неё.

Жибек вскочила и вышла из комнаты. Лятипа осталась одна, наедине со своими невеселыми мыслями.

– Астапыралла. – проговорила она вдруг, качнув головой. – Господи, помилуй и сохрани...

Под навесом, за низким столиком возле печки Алтын катала сочни. Алмат сидел рядом на табуретке и смотрел на её руки.

– Как у тебя ловко получается! Я знаю, что это трудно, – сказал он. – Однажды Лисичка порезала палец, а мы ждали гостей. Ну и пришлось мне катать. Сочень получился какой-то квадратный, местами рваный...

Алтын рассмеялась:

– Просто у меня опыт большой. Я ведь этим делом занимаюсь с двенадцати лет.

– На полном серьезе?

– Ну да. Сначала, конечно, было трудно. Руки были еще детские, слабые.

Они помолчали.

– Алмат, а ты не хочешь учиться?

– Зачем?

– Ну-у, в наше время быть просто водителем... Сейчас ведь каждый, кто имеет машину, – водитель. Значит, это уже не профессия.

Алмат закурил и стал серьезным.

– Ты не права. Одно дело водить свою машину, и совсем другое – государственную.

Подошла Рымкеш:

– Дрова кончаются. Куда этот Ержан запропастился?

– Он в кино пошел, – сказала Алтын.

– Как в кино?! Ах, негодник, вот нашел время!

– Мама, – сказала Алтын с укором, – ну что вы с папой всё: негодник, сорванец, дурак, только и слышно. А ведь он уже не маленький – шестнадцать лет. Ты знаешь, что он в кино эту девочку повел, приезжую?

Рымкеш оторопело молчала. Алмат поднялся, затушил окурок ногой:

– Давайте я поколю.

Он взял топор и стал колоть сучья.

– Спасибо тебе, милый, – заулыбалась Рымкеш, – да продлятся твои годы.

Она подошла к дочери, пощупала сочень, зашептала:

– Какой хороший парень! Может, зятем будет?

– Он женат, мама, – усмехнулась девушка.

– А-а, – лицо женщины потухло, она посмотрела на Алмата с сожалением, вздохнула и пошла в дом.

– Ты давно водишь эту машину? – спросила Алтын.

– Нет, где-то полгода, – ответил Алмат, продолжая работать. – Раньше я водил самосвал на стройке.

– И тебе там не нравилось...

– Как тебе сказать? Работа как работа. Правда, грязная. И нервотрепки много. Ну вот, к примеру, – он разогнулся с топором в руке, – приедешь на карьер, а там экскаватор стоит, ковш заклинило. А прораб ждет глину. Ну вот, ходишь и психуешь, материшься. Весь белый свет проклянешь, – он засмеялся. – Видела б ты тогда меня, не узнала бы: худой, черный, одни зубы сверкают. Стал я встречаться с Лисичкой – будто в другой мир попал, всё там спокойно, ясно, никаких стрессов. На свидания к ней бежал, как в жару к озеру бежишь окунуться. Приду, начинаю ей рассказывать, что за день произошло, кипячусь, а она выслушает спокойно и улыбнется: «Ну чего ты так дёргаешься? Кому это надо? Плюнь на всё. Ты кто? Шофер. Вот и крути себе баранку, остальное не твое дело». Поначалу мне как-то было не по себе от этих слов. А потом думаю: в самом деле, права Лисичка. Чего я дергаюсь? Если это не нужно прорабу, начальнику участка? Да гори всё синим огнем. Как простой – сижу себе, загораю, газетки почитываю. Сразу поправляться начал. А потом мы с Лисичкой поженились, и её дядя устроил меня в Минавтодор. Теперь вот вожу этот «РАФ».

Алтын молчала. Руки же её продолжали катать сочни. Два сочня уже лежали на деревянном настиле поверх скатерти.

– Стройку вспоминаешь? – спросила она.

Алмат засмеялся:

– Как кошмарный сон.

Она призадумалась и вдруг спросила:

– А если б, например, парень при тебе оскорбил девушку, ты бы стал драться?

Алмат вздохнул и ответил шутливым тоном:

– Если б девушка была такой красивой, как ты, – обязательно!

Алтын нахмурилась:

– Я серьезно спрашиваю.

Он воткнул топор в полено и посмотрел на неё долгим улыбчивым взглядом:

– Сразу видно, что ты учительница. Строгая.